
СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2018.1.1

СТАНОВЛЕНИЕ НЕЛИНЕЙНОГО ЗНАНИЯ: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ДОВЕРИЯ К НЕМУ¹

THE BECOMING OF NON-LINEAR KNOWLEDGE: THE DEMAND FOR TRUST IN IT

Кравченко Сергей Александрович

Доктор философских наук, профессор,
завкафедрой социологии
МГИМО (У) МИД России;
главный научный сотрудник,
Институт социологии Федерального
научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
г. Москва,
e-mail: sociol7@yandex.ru

Sergey A. Kravchenko

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Moscow State University of International
Relations of the MFA
of the Russian Federation;
Main Researcher,
Institute of Sociology of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow,
e-mail: sociol7@yandex.ru

В статье показывается, что под влиянием процессов глобализации характер и содержание научного знания существенно изменяются, значительная его составляющая обретает глобальный характер. Возникающие при этом конфликты локального и глобального знания неизбежно приводят к культурным разрывам и социальным травмам, а само знание оказывается подверженным усложняющейся нелинейной динамике. Рассматривается история становления не-

The article shows that under the influence of the processes of globalization, the nature and content of the scientific knowledge changes significantly, its important component acquires a global character. The conflicts of local and global knowledge lead to cultural gaps and social traumas, and knowledge itself proves to be a subject to more complex non-linear dynamics. The history of the formation of non-linear knowledge in sociology, its modern forms and trends are analyzed. Partic-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 16-18-10411.

линейного знания в социологии, его современные формы и тенденции. Особо анализируется влияние метаморфоз на формирование современного нелинейного знания. Динамика знания влечет за собой изменение в доверии ему. Прослеживаются социальные и культурные факторы перехода от безусловной веры в научное знание к степени доверия ему. Рассматриваются вызовы доверию к собственно нелинейному знанию, которые связаны с сохранением позитивистского мышления, уязвимостями теоретического монизма, возникновением научного незнания. Преодоление данных вызовов автор связывает с переходом от позитивистского к нелинейному мышлению, популяризацией достижений современной науки с акцентом на раскрытии инновационных методов исследования, повышением значимости глокального знания как результата национальных и региональных обществоведческих школ, преодолением утопических и исторически ограниченных компонентов в знании, осуществлением гуманистического поворота не только в социальных, но во всех науках.

Ключевые слова: нелинейное знание, «стрела времени», рефлексивность, «рукотворные неопределенности», научное знание, глокальное знание, научное незнание, теория метаморфозы, повороты в социологии, гуманистический поворот.

ularly the author analyzes the impact of metamorphoses on the formation of modern non-linear knowledge. The dynamics of knowledge entails a change of trust to it. Social and cultural factors of the transition from the unconditional belief in scientific knowledge to the degree of trust to it are traced. There discussed the challenges to the trust to non-linear knowledge which are associated with the preservation of positivist thinking, the vulnerabilities of theoretical monism, and the emergence of scientific non-knowledge. The author connects the overcoming of these challenges with the transition from positivist to non-linear thinking, popularizing the achievements of modern science with an emphasis on disclosing the essence of innovative research methods, increasing the importance of glocal knowledge as a result of national and regional social studies schools, the overcoming of utopian and historically limited components in knowledge, the realization the humanistic turn not only in social, but in all sciences.

Keywords: non-linear knowledge, “arrow of time”, reflexivity, “manufactured uncertainties”, scientific knowledge, glocalized knowledge, scientific non-knowledge, the theory of metamorphosis, turns in sociology, humanistic turn.

Введение

Мы живем в «обществе знаний» [1], характер которого проявляется в том, что факторы инноваций лежат не столько в материальной сфере, сколько в теоретических и технологических знаниях. Авторитет общества ныне все более определяется развитием областей знаний, в которых увеличивается доля занятости населения. В этих областях производится наибольшая часть валового национального продукта. При этом природа самого знания существенно изменяется, приобретает *усложняющуюся нелинейную динамику*, что задает принципиально иной тренд доверия ему. Если в традиционном обществе знание было локально организовано, передавалось от поколения к поколению в результате непосредственного взаимодействия людей, в целом оно не ставилось под

сомнение, соответственно, социальные изменения были медленными и в основном линейными по своему характеру, то ныне имеет место *глобальное распространение знания*, доверие к которому далеко не однозначно. Возникающие конфликты локального и глобального знания неизбежно приводят к культурным разрывам и социальным травмам [2, с. 6–16], а само знание обретает *нелинейную динамику*, становится *более сложным*.

Как известно, лауреат Нобелевской премии И. Пригожин разработал теорию «стрелы времени», согласно которой *вся материя* (это относится как к материальным, так и био- и социальным мирам) развивается ускоряющимся и усложняющимся образом [3]. При этом возникают динамичные и самоорганизующиеся системы, рефлексивно взаимодействующие друг с другом. На наш взгляд, эффект «стрелы времени» следует распространить и на знание, которое, обретая характер динамичной и самоорганизующейся системы, становится значимым *самостоятельным* фактором изменения социума и природы. Фактически мы имеем дело со *становящимся нелинейным знанием типа «стрелы времени»* [4, с. 110–124]. Такое знание неизбежно активизирует рефлексивность коллективных и индивидуальных акторов, стимулируя деятельность по производству все новых и новых благ, что в конечном счете предполагает *риски рукотворного* характера: «Нас стало беспокоить не столько то, что может сделать с нами природа, сколько то, что мы можем сделать с ней. Это поворотный момент от преобладания внешнего риска к господству рукотворного» [5, с. 43]. Этим процессам неизбежно сопутствуют *уязвимости* социума и природы в виде «новых катастроф» (У. Бек) и «нормальных аварий» (Ч. Перроу) как побочных эффектов самореализации знаний в технических инновациях. Сохраняющийся тренд – увеличение и усложнение знания, ведущее к рискам и уязвимостям, – побудил академика Н.Н. Моисеева поставить вопрос: «Быть или не быть... человечеству?» [6]. При этом в символически названной работе «*Расставание с простотой*» он прямо призвал к формированию *качественно нового* знания о взаимоотношениях социума и природы [7]. Разумеется, от сложного, глобального, нелинейно развивающегося знания невозможно вернуться к простому, локальному знанию, разделяемому всеми членами сообщества. Но выход из возникшей *ловушки сложного нелинейного знания есть*. На наш взгляд, чтобы человечеству *быть*, необходим переход от позитивистского мышления, основанного на принципах формальной рациональности и прагматизма [8, с. 78–104, 162–186], к нелинейно-гуманистическому мышлению, что позволит придать знанию *гуманистический вектор*

развития, создав новый фактор управления рисками и уязвимостями в условиях возникших реалий сложности.

Нелинейное знание через призму социологии: история и современность

Вероятно, первое свидетельство нелинейного теоретизирования и зарождения нелинейного знания в социологии содержится у Р. Мертона, который призывал перейти к «*критической нелинейной рефлексии*». Это, в частности, предполагало «перечитывание» и постоянную переинтерпретацию идей ранее живших ученых в контексте нового времени, что, по его мнению, способствовало накоплению инновационного научного знания нелинейного толка [9]. Он развивал идеи нелинейного развития научных знаний с помощью таких понятий, как «непредвиденные последствия» и «амбивалентности» [10, 11], выступал за комплексный учет функций, нефункций и дисфункций, явных и латентных функций [12]. Его подходы к нелинейной рефлексии до сих пор используются учеными – они дают им возможность осуществлять эффективную диагностику сложных социоприродных реалий.

Ценный вклад в обоснование нелинейного развития научного знания внес Т. Кун. По его мнению, развитие науки обуславливается доминирующим набором принципов, понятий, категориальным аппаратом в целом, признаваемым и используемым группой ученых, однако *только в течение определенного исторического периода*. Со временем ряд ученых начинают осознавать аномалии, которые не могут быть объяснены в рамках существующих теоретических и методологических принципов, что, следовательно, вызывает сначала скептицизм, а затем все большее *недоверие к знанию*. Этот процесс, как правило, ведет к научной революции и переходу к новой парадигме, также функциональной только в течение определенного времени. В силу данных обстоятельств некоторые ученые осуществляют мобильность из одной школы в другую, а иногда образуют и новую школу, ориентированную на принципиально иной теоретико-методологический инструментарий, который декларируется как «истинный» [13]. Развитие научных знаний через парадигмы вызывало перманентную критику существующих знаний и способствовало переходу к иному знанию, вызывающему большее доверие.

Еще один шаг к становлению нелинейного знания связан с формированием *рефлексивных социальных наук*, нацеленных на интерпретацию сложных реалий с учетом как рефлексивности институциональных структур, так и человеческого влияния на них. Это дало начало исследованию импровизаций и игровых стратегий, которые типичны для нели-

нейных знаний. По словам П. Бурдьё, эти факторы способствовали перестроению стратегии борьбы за научную истину, созданию конкурирующих социальных условий в научном поле [14]. Если традиционные знания ведут в целом к намеренным последствиям и созданию синхронизированных структур и функций, то современные знания из-за их рефлексивного характера порождают неопределенности и, следовательно, побочные эффекты, которые, как правило, носят нелинейный характер. Ученым, чтобы добиться успеха, необходимо разработать нелинейные инновации в эмпирическом, теоретическом и методологическом инструментарии. В итоге рефлексивная социология позволила перейти к более высокому интегральному синтезу эмпиризма и теории [15].

Другим представителем рефлексивной социальной науки является Э. Гидденс, который интерпретировал нелинейные изменения в знании через призму «институционализированной рефлексивности» и «рукотворных неопределенностей». По его метафорическому выражению, возникает ситуация «ускользающего мира» и, соответственно, как бы «догоняющих» теорий, основанных на усложняющемся нелинейном знании, которое нацелено на исследование рефлексивных практик: «То, что я называю “рукотворными неопределенностями”, связано скорее с продвинутым знанием, чем с его ограничениями» [16, р. 105]. В итоге реалии «рукотворных неопределенностей» побуждают ученых разрабатывать теоретико-методологический инструментарий, основанный на принципах нелинейного знания.

Если линейное знание производится *внутри* предметного поля конкретной науки – П.А. Сорокин подчеркивал, что классики социологии весьма строго относились к *границам её предмета* [17, с. 49], – то значительный пласт нелинейного знания был получен в результате *синтеза социологических подходов с другими науками*. В конце XX – начале XXI в. возникли *повороты в социологии*, основанные на междисциплинарности: *лингвистический поворот* (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдьё); *рискологический* (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман); *материалистический* (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберг); *культурный* (Дж. Александер). Со своей стороны мы высказались за *гуманистический поворот*, методологическим фундаментом которого является междисциплинарная диагностика, позволяющая анализировать усложняющиеся социоприродные реалии гуманизма на основе синтеза различных теорий и подходов. По существу, стало нормой, что социологи стали наводить мосты с, казалось бы, несовместимыми парадигмами и даже заимствовать теоретико-методологический инструментарий из естественных и гуманитарных

наук [18, с. 22–30; 19]. Естественно, эти процессы вызвали рефлексию у социологических сообществ. На XVIII Всемирном социологическом конгрессе К. Хасегава, руководитель японского организационного комитета конгресса, прямо высказался за социологию, которая «станет мостом, связующим Восток и Запад, Юг и Север, женское и мужское, прошлое и будущее, молодое и старое, природу и общество, соединяющим всевозможные расколы социологии ради более равного мира» [20, р. 17]. Такое видение перспектив развития социологии ориентировано на развитие сетевых взаимоотношений социологов с представителями самых разных наук.

В самое последнее время существенный вклад в становление нелинейного знания сделал У. Бек, выдвинувший *теорию метаморфозы мира*, из которой следует потенциальная возможность перехода к новому этапу развития нелинейного знания о человеческой цивилизации. Выделим пять, на наш взгляд, её наиболее значимых постулатов: 1. Социология с момента своего зарождения изучала *социальные изменения*, происходящие в обществах, исходя из того, что все изменения (эволюционные или революционные) предполагают сохранение *базовых определенностей*. Отдельные реалии меняются, но другие сохраняют свою сущность, что позволяет осуществлять их сравнение в контексте социальной и культурной динамики. Однако в современный мир все более входят *метаморфозы*, которые не могут быть концептуализированы с помощью доступных в социальных науках понятий «изменение», «эволюция», «революция» или «трансформация». Метаморфозы не просто дестабилизируют определенности социума, а инициируют *непреложный шок*: то, что вчера было немислимым, становится реальностью сегодня и завтра. Так, «климатическое изменение является агентом метаморфозы»: «подъем уровня моря создает новые ландшафты неравенств – рисуются новые карты мира, на которых ключевыми линиями являются не традиционные границы между нациями-государствами, а подъемы выше морского уровня. Это создает совершенно другой способ концептуализации мира и наших шансов на выживание в нем» [21, р. 4]. К наиболее значимым метаморфозам социолог относит климатические изменения, глобальные идеологические конфликты, ненамеренные последствия развития экономики и внедрения инновационных технологий. 2. Метаморфоза мира есть «эпохальное изменение видений мира, переоформление национального взгляда на мир... В этом пространстве национальные и другие границы переосмысливаются, исчезают, а затем создаются заново, т.е. они “метаморфозируются”» [21, р. 5, 6]. Если прежде ученые интерпретировали метаморфозу как *итоговый резуль-*

там каких-либо неожиданных преобразований (К. Маркс исследовал метаморфозы товарно-денежных отношений [22, с. 120]; П.А. Сорокин – метаморфозы революций, катастроф, мирового лидерства [23, с. 21–22]; Дж. Ритцер – метаморфозы в виде «ничто» как «пустых социальных форм», в которых человеческие отношения дегуманизированы [24, р. 5]; Ж.Т. Гощенко – метаморфозы в виде «кентавризмов» и «фантомов» [25, 26]), то У. Бек акцентирует внимание на *нелинейном процессе «метаморфозизации»* [21, р. 7]. 3. Социолог выдвигает идею «*эмансипирующего катастрофизма*», предполагающую учет «*позитивных побочных эффектов глобальных рисков*», с позиций которой подвергает критике пессимизм представителей традиционного подхода к современным сложным катастрофам. «Мы все знаем, что гусеница будет метаморфозирована в бабочку. Но знает ли об этом гусеница? Это тот вопрос, который мы должны поставить проповедникам катастрофы. Они похожи на гусениц, их мировоззрение, замкнутое в коконе их гусеничного существования, не обращает внимания на надвигающуюся на них метаморфозу. Они не способны различать распад и становление нечто иного. Они видят разрушение мира и их ценностей, в то время как не мир погибает, а их образ мира. Мир не погибает, как полагают проповедники катастрофы, и спасение мира также не является неизбежным, о чём взывают оптимистичные сторонники прогресса. Скорее всего, мир переживает нечто удивительное, но понятное – метаморфозу преобразования эталонного горизонта и координат действия» [21, р. 16–17]. 4. У. Бек так определяет принципиальное различие между его подходом и другими современными теориями, изучающими социальные изменения: «Их подход исключает возможность метаморфозы мира. В противоположность этому, моя отправная точка в том, что только в контексте метаморфозы мира мы можем исследовать отношения между метаморфозой, изменением, воспроизводством и их разнонаправленными движениями. Относительный учет каждого из этих факторов является тем, что должно быть исследовано эмпирически. Короче говоря, мое намерение состоит в том, чтобы, вводя понятие “метаморфоза мира”, не изменить существующую типологию исторического изменения в обществе и политике на совершенно другую. Моя цель в том, чтобы *дополнить* эту типологию – новой, которая до сих пор прошла незамеченной» [21, р. 19]. 5. Его видение будущего человечества в контексте метаморфозизации мира: «Было бы ошибочным приравнивать метаморфозу мира к изменению к лучшему. Метаморфоза мира ничего не говорит о том, является ли данное преобразование к лучшему или к худшему. Как концепция, она не выражает ни оптимизм, ни пессимизм по поводу хо-

да истории. Она не описывает упадок Запада, не предполагает, что все будет к лучшему. Она оставляет все открытым и направляет нас к значимым политическим решениям» [21, p. 19–20].

Таким образом, проблематика метаморфизации современных реалий, по существу, переоткрывается в современном социологическом знании, которое обретает нелинейный характер [27, с. 3–14]. Она принесла с собой не столько ответы, сколько множество актуальных вопросов, которые ждут своего исследования в контексте становления нелинейного знания. Вместе с тем возникли и новые проблемы доверия к такому, как правило, эмерджентно возникающему знанию.

Вызовы доверию к нелинейному знанию

Эпоха Просвещения ознаменовалась *безусловным доверием* ко всемогуществу научного знания, которое в концентрированной форме выражал лозунг «Знание – сила». По существу, это безусловное доверие граничило с *верой*, не предполагавшей какого-либо сомнения. В то время высшим критерием достоверности научного знания считались «объективные» законы познания, природы и общества. О. Конт, основоположник социологии, стремился к тому, чтобы обосновать доказательную, общепризнанную, *позитивную* социальную теорию. По его мнению, позитивные знания – это «истинно доступные нашему уму и полезные для нас» знания, которые противостоят фантастическим представлениям, а также здравому смыслу ввиду его ограниченности и противоречивости [28, с. 13].

Э. Дюркгейм поднял проблему доверия к научному знанию в плоскость *единения эмпирического и теоретического инструментария* для его познания. Он исходил из того, что для достоверности социологического знания должны применяться *объективные методы*, аналогичные методам естественных наук. Задача социолога сводится к тому, чтобы исследовать и находить *причинно-следственные связи* между социальными фактами в контексте взаимоотношений общества, его структур и индивидов, что позволяет обосновывать *общественные законы*. Он заявлял, что *разделение труда* «составляет необходимое условие материального и интеллектуального развития обществ, источник цивилизации»; это – закон, который управляет обществами «почти без их ведома» [29, с. 46]. Данный закон выступает своего рода фактором доверия к социальному знанию.

К. Маркс и Ф. Энгельс доверие к научному знанию также связывали с обоснованием «объективных» законов, трактуя их как «внутренние и необходимые связи» между явлениями общественной жизни. По их мнению, *закон соответствия производственных отношений характеру*

и уровню развития производительных сил отражает поступательное развитие человеческой цивилизации, раскрывает суть механизма смены общественно-экономических формаций: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [30, с. 13].

В итоге благодаря позитивистской социологии сформировался тип мышления, ориентированный на *единые, универсальные истины*, не ограниченные во времени и пространстве. Однако с развитием науки постепенно утверждалась идея о *релятивности* научного знания. По мысли М. Вебера, «мы имеем дело только с *непонятой* (или не вполне понятой) *статистической* вероятностью» [31, с. 612]. Особый вклад в обоснование историчности и относительности научного знания внес К. Манхейм, исследовавший проблематику сложных взаимоотношений истины и лжи как в общественном сознании, так и научном дискурсе. Он считал, что «причиной “односторонности” и “ложности” является не намерение скрыть подлинную ситуацию, а различие в структуре сознания различных по своему положению в социально-исторической сфере субъектов» [32, с. 220]. Релятивность научного знания обусловлена, как показал Р. Мертон, принципом *организованного скептицизма*, который стал имманентным компонентом инструментария современной науки. «Наука как будто бросает вызов “удобным властным допущениям”, просто подчиняя их беспристрастному анализу, – отмечал он. – Организованный скептицизм содержит в себе скрытое сомнение в некоторых основаниях установленной рутины, власти, принятых процедур и сферы “сакрального” вообще» [33, с. 165]. Все эти подходы утверждали *динамичную и релятивную природу* научного знания, давали толчок к переходу от *безусловной веры* в научное знание к *степени доверия*, с тех пор постоянно флуктуирующей между полюсами веры и недоверия [34, с. 293]. И все же, позитивистское мышление не было преодолено – не только простые люди, но и некоторые ученые продолжали ориентироваться на «стабильное, единственно правильное» знание.

Сегодня возникли *принципиально новые вызовы* доверию к научному знанию, связанные с *доверием к собственно нелинейному знанию*, сложность которого увеличивается, оно становится результатом многих парадигм, которые перманентно обновляются, а их теоретико-методологический инструментарий зачастую противоречит друг другу,

что, естественно, ставит под вопрос известные типы детерминизма, устоявшиеся истины и ведет к *дисперсии* и *короткой живучести* знания. Даже для ученых, людей креативных, переход от позитивистского к нелинейному мышлению может представлять психологическую проблему. В повседневной же жизни можно столкнуться с тем, что люди склонны доверять *всезнающим* ученым, врачам, педагогам, равно как магам и целителям, и не доверять *сомневающимся* экспертам. Сказывается давление стереотипов позитивизма, веры, коллективистского габитуса массы, ориентированного на легкие и быстрые решения сложных проблем.

И все же, как бы нам это не нравилось, «конец определенности» [35] стал имманентной чертой *всей* нашей жизни, включая научное знание. В основу методологии *инновационных теорий* положены идеи *недетерминизма и нелинейного развития*. У. Бек подчеркивает, что тот, кто «все ещё находится в плену мифа о линейности и разделяет тезис о культурной конвергенции как непосредственном следствии экономической унификации, – попросту невежественный человек» [36, с. 213]. Нелинейность знания, особенно знания о весьма подвижных реалиях, предполагает, что прошлые проверенные истины отнюдь не являются обязательно таковыми для настоящего и будущего. Эффективные, оправдавшие себя прежние стратегии общественного развития могут быть ограниченными в пространстве и времени, нефункциональными для современности. «Общество риска, – пишет он, – подразумевает, что прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место – как причина нынешней жизни и деятельности – приходит будущее, т.е. нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное. Когда мы говорим о рисках, мы спорим о чем-то, чего *нет*, но что могло бы произойти, если *сейчас* немедленно не переложить руль в противоположном направлении» [36, с. 175–176]. Если доверие к прежним методологиям было основано на выявлении *стабильной принудительной каузальности*, то ныне оно должно быть заменено доверием к диагностическому инструментарию, ориентированному на раскрытие *сложной* (как внешней, так и внутренней) *причинности*, на учет того, что речь идет о становлении *принципиально иных* реалий, которых ранее вообще не существовало. О.Н. Яницкий утверждает, что современная жизнь сопровождается выбросом гигантских масс энергии распада в самой разной форме, которая хаотизирует все вокруг [37, р. 112–118]. Он отмечает, что привычное разделение на *природу* и *общество* более не отвечает процессам сжатия и интеграции всего происходящего на Земле: мы теперь живем в социобиотехносфере, её законы нами еще не изучены [38,

с. 5–22]. По существу, произошел ряд метаморфоз с живой и неживой природой, социумом, ранее представлявшими самостоятельную реальность, а ныне во многих случаях образующими *единую* реальность, развивающуюся *нелинейно*. И главное – утрачивается доверие к прежним методологиям в силу их *теоретического монизма*. По мнению У. Бека, в социологии утвердились два основных диагностических инструментария анализа неопределенностей и рисков: естественно-научный объективизм и конструктивистский подход. В силу их разрозненности «невозможно понять, обострились ли риски сами по себе, или обострился наш *взгляд* на них» [39, с. 67]. Утвердить доверие к нелинейному научному знанию социолог пытается с помощью концепции *риск как знание*, предполагающей синтез обоих подходов в «интегральную социологическую парадигму» [40, р. 76], а также их интерпретации в контексте динамики самого знания: «риски – это риски в *знании*» [39, с. 67].

Нелинейное знание основывается также на *сочетании научной и социальной рациональности*, которые ранее казались несовместимыми. «В дискуссиях о рисках, – отмечает социолог, – обнажаются трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью... Несколько изменив известное высказывание, можно утверждать: научный рационализм без социального *пуст*, социальный без научного – *слеп*» [39, с. 34, 35]. Не только ученые и научные структуры, но и *самые разные люди* как социальные акторы начинают формировать сложное нелинейное знание. Социолог вообще поставил под вопрос доверие к научному знанию как «высшей истине», отметив «*несостоятельность* научно-технической рациональности перед лицом растущих рисков... Это несостоятельность отдельных ученых и дисциплин, она вытекает из системного институционального подхода науки к риску». В силу своей узкой специализации «они совершенно не в состоянии адекватно реагировать на цивилизационные риски» [39, с. 71]. Этим, по его мнению, обусловлена востребованность рефлексивности *всех* акторов, вносящих свой вклад в нелинейное знание.

К вызовам доверию к научному знанию следует отнести и принципиально *новые формы знания*, к которым, в частности, относится *научное незнание*. У. Бек пишет: «Мировое общество риска является обществом незнания в самом прямом смысле. В противоположность домодерновой эры оно не может быть преодолено большим и лучшим знанием, большей или лучшей наукой; скорее как раз наоборот: оно – продукт большей и лучшей науки. Незнание правит в мировом обществе риска. Так, жить в среде созданного незнания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформули-

ровать... взрыв ядерного реактора в Чернобыле сопровождался взрывом незнания» [41, р. 115]. Аналогичный взрыв незнания произошел в российском общественном сознании при переходе от позитивистской методологии марксизма к признанию научной значимости других парадигм. Подчеркнем, научное незнание – это не невежество, а важный компонент *нелинейного знания*.

Перспективы доверия к нелинейному знанию

Выскажем свои соображения относительно того, что могло бы стать ответом на вызовы доверию к нелинейному знанию. Во-первых, необходим *радикальный пересмотр* возможностей прежнего теоретико-методологического инструментария. Позитивистские парадигмы могут быть использованы только для анализа локальных реалий, взятых в конкретном времени. Доминирующим же инструментарием должны стать рефлексивные парадигмы, а также междисциплинарные подходы – они более адекватно отражают современный мир. Сказанное отнюдь не умаляет историческую значимость предшествующего знания, к которому следует сохранить толерантное отношение [42].

Во-вторых, полагаем, переход от позитивистского к нелинейному мышлению осуществляется *достаточно медленно*. Этим главным образом объясняется весьма большое доверие к советскому общественному знанию, основанному на «объективных» законах, декларировавших всеобщее счастливое будущее с «богатствами полным потоком». Принять же результаты современной мировой социальной науки, из которых следует нарастание катастрофических вызовов будущему человечеству [43], весьма трудно – срабатывает защитный механизм «я» в виде *вытеснения* – по З. Фрейду, удаления из сознания мотивов к действию, вызывающих большую напряженность [44]. Заметим, это проблема не только для россиян, но и для жителей стран «золотого миллиарда». Так, З. Бауман отмечает, что возникла «ретротопия – глобальная эпидемия ностальгии по прошлому» [45, р. 3]. Преодоление этих настроений, вошедших в коллективную память людей, – дело значительного времени. Сказанное, однако, лишь актуализирует задачу утверждения нелинейного мышления в общественном сознании, путь к чему, на наш взгляд, лежит в популяризации достижений современной науки с акцентом на инновационных методах исследования.

В-третьих, глобализация науки не исключает значимость *глокального знания* как результат *национальных и региональных обществоведческих школ*, полученный, конечно, с учетом достижений мировой науки. Нелинейное знание не сводится к универсальности западных теорий и истин. Более того, сам процесс нелинейного развития предпо-

лагает, что локальное и даже единичное знание может обрести глобальную значимость. Из этого следует, что необходимо повышать доверие и всячески поддерживать достижения национальных и региональных обществоведческих структур.

В-четвертых, нелинейное знание не только производится научными акторами, но также *инсценируется* рядом структур, которые производят самые разные смыслы реальности. По У. Беку, для *мирового общества риска* особенно характерно «*инсценирование реальности* глобального риска... “Инсценирование” здесь не предполагает в разговорном смысле намеренную фальсификацию реальности посредством преувеличения “нереальных” рисков» [41, р. 10]. Как нам видится, проблема не столько в намеренности или ненамеренности фальсификации реальности, сколько в тенденции стирания различий между валидным научным знанием, которому можно и нужно доверять, и знанием, ассоциируемым с лженаукой. Утверждение доверия к нелинейному знанию предполагает *преодоление романтических, утопических и исторически ограниченных компонентов в знании*, вызывавших скачки в доверии к системам знания (от представлений о «всесилии науки» до её дискредитации и замещения лженаукой, когда прогнозы не сбывались).

В-пятых, неизбежна *флуктуация доверия к нелинейному знанию*, которая имманентно присуща обществам рефлексивного, «текущего» модерна, что сказывается на адаптации социальных акторов к усложняющейся динамике ценностей, разрывам общественного сознания, меняющимся представлениям о будущем человеческой цивилизации. Вместе с тем мы исходим из того, что флуктуацией доверия / недоверия к нелинейному знанию *можно управлять*. Для этого необходимо формирование *новых типов солидарностей* ученых и представителей общественности, заинтересованных в утверждении *валидного знания о сложных и многообразных будущих* (множественное число!), моделям которых люди могут доверять, чему была посвящена XIII конференция ЕСА.

В-шестых, при принятии важных экономических, социальных, политических решений необходимо учесть *имманентную уязвимость* нелинейного знания, неизбежно включающего в себя компонент прагматического знания, основанного на формальной рациональности. Он неизбежен, но к нему необходимо отнестись критически, учитывая историчность контекста, когда оно было произведено. Минимизировать влияние прагматического знания можно за счет отказа от постулатов эпохи Просвещения: «Человек – вера всех вещей»; «Все для блага человека». По существу, они привели к современным тенденциям потребительства со всеми его рисками и уязвимостями для будущего человечества [46].

В-седьмых, доверие к нелинейному знанию предполагает *гуманистический поворот* не только в социологии [47, с. 12–23], но и во всех науках. Полагаем, ныне важно учесть не столько объем знания, количество парадигм, задействованных в его производстве, сколько наличие в нем *гуманистической составляющей*, являющейся определенным гарантом того, что это знание внесет вклад в производство добра, за что особенно ратовали российские социологи [48]. Доверие к современному знанию будет возрастать при наличии в нем гуманистической модели будущего и проекта гуманистической модернизации страны.

Литература

References

1. Stehr N. Knowledge Societies. L.: Sage, 1994. 291 p.
2. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 432 с.
4. Кравченко С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1. С. 110–124.
5. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
6. Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999. 289 с.
7. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. 480 с.
8. Кравченко С.А. Социология: в 2 т. Т. 1: Классические теории через призму социологического воображения : учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 584 с.
9. Merton R. On Social Structure and Science. Chicago: University of Chicago Press, 1996. 394 p.
10. Merton R. The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review. 1936. Vol. 1. P. 894–904.
11. Merton R. Sociological Ambivalence and Other Essays. N.Y.: Free Press, 1976. 287 p.
12. Merton R. On the Shoulders of Giants. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1993. 320 p.

1. Stehr N. Knowledge Societies. L.: Sage, 1994. 291 p.
2. Shtompka P. Social'noe izmenenie kak travma // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. № 1. P. 6–16.
3. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoj. M.: Ehditorial URSS, 2001. 432 p.
4. Kravchenko S.A. Strela vremeni: sovremennye vyzovy sociologicheskomu znaniyu // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2014. № 1. P. 110–124.
5. Giddens Eh. Uskol'zayushchij mir: kak globalizaciya menyaet nashu zhizn'. M.: Ves' mir, 2004. 120 p.
6. Moiseev N.N. Byt' ili ne byt'... che-lovechestvu? M., 1999. 289 p.
7. Moiseev N.N. Rasstavanie s prostotoj. M.: Agraf, 1998. 480 p.
8. Kravchenko S.A. Sociologiya: v 2 t. T. 1: Klassicheskie teorii cherez prizmu sociologicheskogo voobrazheniya : uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. M.: Yurajt, 2014. 584 p.
9. Merton R. On Social Structure and Science. Chicago: University of Chicago Press, 1996. 394 p.
10. Merton R. The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review. 1936. Vol. 1. P. 894–904.
11. Merton R. Sociological Ambivalence and Other Essays. N.Y.: Free Press, 1976. 287 p.
12. Merton R. On the Shoulders of Giants. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1993. 320 p.

13. *Kun T.* Структура научных революций. М., 1975. 300 с.
14. *Bourdieu P.* Homo Academicus. Stanford, CA: Stanford University Press, 1984. 344 p.
15. *Bourdieu P., Wacquant L.* The Purpose of Reflexive Sociology (The Chicago Workshop) // P. Bourdieu, L. Wacquant (eds.). An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 348 p.
16. *Giddens A., Pierson Ch.* Conversations with Anthony Giddens: Making Sense of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1998. 186 p.
17. *Сорокин П.А.* Система социологии. Т. 1. М.: Наука, 1993. 447 с.
18. *Кравченко С.А., Салыгин В.И.* Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 22–30.
19. *Кравченко С.А.* Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равноправного мира // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 29–38.
20. *Hasegawa K.* Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13-19 July, 2014. Yokohama, Japan, 2014.
21. *Beck U.* The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016. 223 p.
22. *Маркс К.* Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. 652 с.
23. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Ин-т социологии РАН, 1993. 195 с.
24. *Ritzer G.* The Globalization of Nothing. University of Maryland: Pine Forge, 2004. 259 p.
25. *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М.: Новый хронограф, 2011. 552 с.
26. *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
27. *Кравченко С.А.* Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 3–14.
13. *Kun T.* Struktura nauchnyh revolucij. M., 1975. 300 s.
14. *Bourdieu P.* Homo Academicus. Stanford, CA: Stanford University Press, 1984. 344 p.
15. *Bourdieu P., Wacquant L.* The Purpose of Reflexive Sociology (The Chicago Workshop) // P. Bourdieu, L. Wacquant (eds.). An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 348 p.
16. *Giddens A., Pierson Ch.* Conversations with Anthony Giddens: Making Sense of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1998. 186 p.
17. *Sorokin P.A.* Sistema sociologii. T. 1. M.: Nauka, 1993. 447 p.
18. *Kravchenko S.A., Salygin V.I.* Novyj sintez nauchnogo znaniya: stanovlenie mezhdisciplinarnoj nauki // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 10. P. 22–30.
19. *Kravchenko S.A.* Mosty, soedinyayushchie vsevozmozhnye raskoly sociologii radi bolee ravnopravnogo mira // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 2. P. 29–38.
20. *Hasegawa K.* Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13-19 July, 2014. Yokohama, Japan, 2014.
21. *Beck U.* The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016. 223 p.
22. *Marks K.* Kapital. T. I // Marks K., ENgel's F. Soch. 2-e izd. M.: Politizdat, 1960. 652 p.
23. *Sorokin P.A.* Glavnye tendencii nashego vremeni. M.: In-t sociologii RAN, 1993. 195 p.
24. *Ritzer G.* The Globalization of Nothing. University of Maryland: Pine Forge, 2004. 259 p.
25. *Toshchenko Zh.T.* Kentavr-problema (Opyt filosofskogo i sociologicheskogo analiza). M.: Novyj hronograf, 2011. 552 p.
26. *Toshchenko Zh.T.* Fantomy rossijskogo obshchestva. M.: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015. 668 p.
27. *Kravchenko S.A.* Metamorfozy: sushchnost', uslozhnyayushchiesya tipy, mesto v sociologicheskom znanii // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. № 10. P. 3–14.

28. *Kont O.* Дух позитивной философии // Западноевропейская социология XIX века: тексты. М.: Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. 352 с.
29. *Dyurkgejm Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
30. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. 771 с.
31. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
32. *Манхейм К.* Идеология и утопия // Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
33. *Merton R.* Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II, вып. 2. С. 151–168.
34. *Kravchenko S.A.* Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016. 431 с.
35. *Prigogine I.* The End of Certainty. N.Y.: Free Press, 1997. 240 p.
36. *Bek U.* Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
37. *Yanitsky O.N.* Sociology of Critical Areas // Open Journal of Social Science Research. 2014. Vol. 2 (3). P. 5–22.
38. *Yanickij O.N.* Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 3. С. 5–22.
39. *Bek U.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
40. *Beck U.* Ecological Politics in an Age of Risk. Cambridge: Polity Press, 1995. 224 p.
41. *Beck U.* World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 269 p.
42. Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем / под ред. И.Г. Тюлина. М.: МГИМО-Университет, 2004. 304 с.
43. *Urry J.* What is the Future? Cambridge: Polity Press, 2016. 226 p.
44. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1995. 456 с.
28. *Kont O.* Duh pozitivnoj filosofii // Zapadnoevropejskaya sociologiya XIX veka: teksty. M.: Mezhdunar. un-ta biznesa i upravleniya, 1996. 352 p.
29. *Dyurkgejm Eh.* O razdelenii obshchestvennogo truda. M.: Kanon, 1996. 432 p.
30. *Marks K.* K kritike politicheskoy ehkonomii // Marks K., EHngel's F. Soch. 2-e izd. T. 13. 771 p.
31. *Veber M.* Osnovnye sociologicheskie ponyatiya // Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. 808 p.
32. *Manhejm K.* Ideologiya i utopiya // Karl Manhejm. Diagnost nashego vremeni. M.: Yurist, 1994. 700 p.
33. *Merton R.* Nauka i social'nyj poryadok // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2000. T. II, vyp. 2. P. 151–168.
34. *Kravchenko S.A.* Sociologicheskaya diagnostika riskov, uyazvimostej, doveriya : ucheb. posobie. M.: MGIMO-Universitet, 2016. 431 p.
35. *Prigogine I.* The End of Certainty. N.Y.: Free Press, 1997. 240 p.
36. *Bek U.* Chto takoe globalizaciya? M.: Progress-Tradiciya, 2001. 304 p.
37. *Yanitsky O.N.* Sociology of Critical Areas // Open Journal of Social Science Research. 2014. Vol. 2 (3). P. 5–22.
38. *Yanickij O.N.* Sociobiotekhnicheskie sistemy: novyj vzglyad na vzaimodejstvie cheloveka i prirody // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2016. № 3. P. 5–22.
39. *Bek U.* Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Tradiciya, 2000. 384 p.
40. *Beck U.* Ecological Politics in an Age of Risk. Cambridge: Polity Press, 1995. 224 p.
41. *Beck U.* World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 269 p.
42. Kul'tura tolerantnosti: opyt diplomatii dlya resheniya sovremennyh upravlencheskih problem / pod red. I.G. Tyulina. M.: MGIMO-Universitet, 2004. 304 p.
43. *Urry J.* What is the Future? Cambridge: Polity Press, 2016. 226 p.
44. *Frejd Z.* Vvedenie v psihoanaliz: lekcii. M.: Nauka, 1995. 456 p.

45. *Bauman Z.* Retrotopia. Cambridge: Polity Press, 2017. 179 p.

46. *Baudrillard J.* The Consumer Society. Myths and Structure. Revised Edition. L.: Sage, 2017.

47. *Кравченко С.А.* Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 12–23.

48. *Сорокин П.А.* Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 8, 9. С. 121–137.

45. *Bauman Z.* Retrotopia. Cambridge: Polity Press, 2017. 179 p.

46. *Baudrillard J.* The Consumer Society. Myths and Structure. Revised Edition. L.: Sage, 2017.

47. *Kravchenko S.A.* Vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota v sociologii // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2013. № 1. P. 12–23.

48. *Sorokin P.A.* Tainstvennaya ehnergiya lyubvi // Sociologicheskie issledovaniya. 1991. № 8, 9. P. 121–137.

Поступила в редакцию

11 декабря 2017 г.